

Рахиль Гуревич

Костили

за

саксофон

Дюжина грустных и
весёлых настроений

6+

Рахиль Гуревич

**Костыли за саксофон. Дюжина
грустных и весёлых настроений**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гуревич Р.

Костыли за саксофон. Дюжина грустных и весёлых настроений /
Р. Гуревич — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Что делать, если на тебя нападает девочка-каратистка? А если о тебе сказали неправду? А если тебя обкидывают ледышками? Что делать, если учитель музыкальной школы влюбился в маму ученика? Как поступить с мамой, если она чересчур опекает своего сына? Как быть родителям, если уроки у детей совсем не учатся? И что надо, чтобы прорваться на бюджет в художку и музыкалку? А если вдруг тебе выбили зуб, что тогда делать с обидчиком? Об этом и о многом другом весёлые и очень грустные истории о Ларисе, её брате Васе и их соседе пай-мальчике Альбертике. Сборник входил в длинный список конкурса НДК-2018.

Содержание

Прыгучее настроение	5
На конкурсе	11
Краплек красный	20
Девочек бить нельзя	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Рахиль Гуревич

Костыли за саксофон. Дюжина грустных и весёлых настроений

Прыгучее настроение

Вася прокапывает в сугробах тоннели. Лабиринт все норыят разрушить. Но однажды вечером настроение у врагов-разрушителей меняется.

Зима случилась снежная. Трактор расчищал дороги, юркий погрузчик упрямо вилял среди машиномест, не обращая внимания на хозяев автомобилей, высунувшихся из окон. Их хриплые недовольные заспанные голоса прорывались сквозь работу мотора недолго – на улице было холодно, и хозяева, выкрикнув угрозу, спешили окна закрыть.

Во дворе была гора. Высокая. Целый холм или плато посередине жилого микрорайона. А под горой – площадка. Вообще-то детская. Но зимой превращалась в склад снега. Туда-то и свозили снег с дорог погрузчик и трактор. Получалось, что под горой – сугробы, снежные горки.

По выходным Вася сидел у окна и ждал, чтобы появился на горе кто-нибудь с ледянкой. Тогда Вася быстро одевался, тоже брал ледянку и бежал на гору. Ближе к полудню детей становилось больше. И нервные бабушки начинали кричать: «Посторонись!», когда их внучата, похожие на маленькие сидячие памятники, намертво прибитые к санкам и ледянкам, скатывались с горки.

Однажды Вася шёл с занятий по лепке, и решил срезать путь, вскарабкался по высоченным снежным заслонам-сугробам, оглядел козырьки подъездов с трёхметровой высоты – с этой точки обзора они выглядели совсем не так, как если снизу смотреть. Если снизу на козырёк смотреть, если с земли, кажется будто подъезд кепку наспех напялил, а сверху смотришь – стоит подъезд, такой, в меховой шапке и голуби по его шапке снежной расхаживают, ищут пропитания. Вася отвернулся от домов и посмотрел на мальчика, который катился с горы, перебирая ногами как сороконожка, наращивал предельную скорость, чтобы как можно дальше уехать...

– Опять не смог до сугробин! И на снегокате не смог. Говорят, есть такие ледянки, они как метеоры, но стоят тысячу, – мальчик поведал это всё Васе сидя на санках, запрокинув голову. И вдруг Васю осенила мысль: в этих «сугробинах» можно устроить отличное жильё, если прокопать тоннель! Как это было связано с ледянками-метеорами и с козырьками подъездов, а также с голубями прогуливающимися по снежным шапкам, неясно. Скорее всего, никак не связано. Просто Вася подумал, если на санках и снегокатах не докатить, значит никто врезаться и рушить не будет, и тут пришла идея, снизошло на Васю озарение. Художники называют это вдохновением.

В субботу Вася вышел во двор с двумя лопатами: совковой и сапёрной. Лопаты были небольшие, лёгкие, папа ими машину раскапывал, пока у него машина «не посыпалась». Папа расстроился, а Вася – нет, теперь же лопаты – его, Васины.

- Я уже большой, я сам могу на занятия ездить, на троллейбусе.
- А закон?
- Какой закон?
- О том, что детей до двенадцати нельзя одних отпускать?
- У нас все поцаки одни домой едут. Я с ними.

В общем, пригодились лопаты, и без машины не заржавели.

И Вася копал. Целых два тоннеля прокапал: один сквозной, а другой тупиковый. В тупиковом целая комната получалась. Там можно было посидеть, отдохнуть, спрятаться...

На ледянках с горы с Васей много кто хотел кататься, а вот тоннель копать желающих было не много. Случались, правда, такие снегокопы, которые без лопат быстрее Васи копали. У каждого свой талант, как говорится. Бесталанных людей нет – это Вася понял, когда малыш – детсадовец объявил, что он «крот» и как пошёл копать – тоннелить, не угнаться.

Ещё оказалось, что много кто хочет тоннель поломать. Например, Филипп.

В прошлом году Вася с Филиппом строили снежную крепость на поле. Потом Филипп Васю прогнал: иди, мол, строй свою крепость. И Вася стал лепить свою. А потом к Васе присоединились папа с маленькой дочкой. Вася давно заметил: папы маленьких детей всегда ведут себя как друзья, а не как Филипп, который тоже конечно друг, но иногда и враг. Самое сложное было не переборщить с комом. С каждым катом ком прибавлял в весе миллионы килограммов, граммов уж точно. Гигантские снежные комья оставались там, где придётся, и – ни с места. Похожие на снежных троллей, они стояли тут и там и как будто смеялись над Филиппом. Вася буквально видел их смешливые пасти с редкими белыми зубьями. До Филиппа с опозданием дошло, что Васина крепость с нуля набирает скорость строительства. Филипп сказал:

– Конечно: у тебя помощники. Я – домой.

– Пока, – бросил Филиппу Вася. По-хорошему не надо было и «пока» говорить, но как не ответить, когда человек с тобой прощается. Надо что-то ответить, некрасиво не отвечать, невоспитанно...

– Мальчик! – обратился к Филиппу папа маленькой девочки. – Можно мы твои комья к нашей крепости прикатим?

– Вы не сможете, – не поверил Филипп.

– А это мы сейчас увидим, – сказал папа маленькой девочки, подошёл к глыбе и дотолкал снежный шар до крепости. Вася видел, что снежный тролль скуксился, выпятил нижнюю губу и пропал.

– Ах, так! – сказал Филипп.

– Да так, – сказала маленькая дочка большого папы. – Мой папа – штангист.

– Ну и что. Подумаешь. А я спортивным ориентированием занимаюсь.

– Что-то с крепостью ты плохо сориентировался, – усмехнулся папа маленькой девочки. – Хочешь: я помогу, подкачу и к твоей крепости бесхозные комья? Хотя... на, мой взгляд, лучше строить одну общую крепость.

– Да. Вместе, – поддакнула девочка. – Тогда враги точно не пройдут.

– Вот ещё: вместе! – сказал Филипп. Он раздосадованный до крайности сначала почти ушёл, но потом вернулся, стал на скакивать на свои комья-глыбы. Он прыгал и прыгал на комья, старался разрушить их, чтобы не досталось ни-ко-му. Но снег был липкий, тяжёлый и сырой, и рушить комья было не намного легче, чем толкать их. Но всё-таки Филипп кое-как, наполовину, на четвертину, разрушил все «бездомные» комья. И убежал, насколько это было возможно, по проваливающемуся снегу.

– Ни себе, ни людям, – удивился папа маленькой девочки. – Ну. Передохнули и поехали!

– Это у него просто прыгучее настроение, – сказала девочка.

Тогда была весна, март. Сейчас был январь. Снежно и морозно. И Филипп конечно же нарисовался к вечеру. До вечера тоннель прожил; с небольшими повреждениями, но прожил. Перед Филиппом тоннель не устоял. Филипп проломил потолок.

Вася хотел обозвать Филиппа, но вспомнил прошлогодний случай и спросил:

– Прыгучее настроение?

Филипп озадачился: смеются над ним, что ли? И Филипп тоже в ответ рассмеялся?

– Ты строй, строй. Ещё построишь – я ка-ак прыгну! И всё переломаю.

– Как выскочу, как выпрыгну! – передразнил Вася.

– Чиво?

– Ничего. Сказки надо читать, ха-ха, – Вася заставил себя рассмеяться, чтобы друг-враг не заметил, что ещё чуть-чуть, и Вася расплачется от обиды. Столько сил потратил, и всё оказалось зря. Вероломство Филиппа не знает границ.

Через неделю Вася вышел без лопат, на разведку. Прогулялся в лесопарк на поле, вспомнил, как давно лепил он здесь по липкому снегу крепость, как тогда было серо, мокро и сыро... Сейчас небо было ярко-голубое как краска из банки гуаши. Снег переливался, как драгоценности в сундучке у работающей девушки, которым её награждали поочередно, переходя из сказки в сказку, Бабушка Метелица, Морозко и Двенадцать месяцев.

На поле проходили соревнования. Мальчики и девочки, уставившись в картонки, прикрепленные к груди, уходили в лес кто по лыжне, а кто и по целине, чтобы срезать сразу, с первых метров. Это соревновались ориентировщики, и Филипп был там.

«Так, так, так», – Вася довольно, потёр варежка о варежку, вернулся домой, взял лопаты, вышел во двор на прокоп. Сегодня он решил копать лабиринт, потому что снежные глыбы за неделю образовали второй ряд – машины всю неделю сваливали снег с дороги. Вася копал спокойно, надеясь, что детей с прыгучим настроением больше не найдётся. Но они нашлись. Пришла девочка. Познакомились. Её звали Маша. Вася сначала принял её за талантливую – она копала руками, без всяких лопат. Но, прокопав собственный тоннель и обустроив собственный тупик, Маша заявила:

– А теперь я буду делать дизайн.

Она набрала обледеленых комков с верхушек снежных глыб и положила их перед входом в тоннель.

– Красиво? – спросила Маша. – Это вот ниша, это шкаф-купе, а это тёплый пол.

Вася молчал: где тут красота? Какой тёплый пол, когда на улице минус пятнадцать?

– Красиво? Я тебя спрашиваю!

– Красиво, – согласился Вася, чтобы не обижать дизайнера Машу. – Но тёплый пол – лишний.

Лучше бы Вася не говорил про лишнее. Маша вдохновилась, услышав это. Она будто только этого и ждала:

– Значит, нужен ремонт. Я теперь буду прыгать, пока крышу не проломлю.

– Не надо! – попросил Вася.

Но Маша будто и не слышала:

– Я иногда думаю: если дома сильно прыгать по полу, можно пол проломить и на соседей упасть?

– Если несущей стены нет, то вполне реально, – послышался хриплый голос.

Это был какой-то незнакомый Васе мальчик, взрослый мальчик, большой, он всё время кашлял.

– Я тут к бабушке приехал на Днюху, кхе. Думал – тоска тут, кхе-кхе-кхе. А у вас ничего: веселенько. Чё за хибару ваяете, кху?

– Вали! – сказала девочка. – Я сама тут ломаю.

– Эй, пацан! – крикнул Вася. – Давай с тобой с разных сторон копать. Я лабиринт выкапываю. Уже три тоннеля есть.

– Давай, кхе! – прохрипел мальчик и не тронулся с места.

– Не лезь, кому сказала! Мы уже построили! Построили! – Непонятно кому кричала Маша. Никто к ней не лез. Маша стала прыгать, пытаясь проломить «крышу».

Вася стал обкидывать Машу снегом, а большой мальчик стоял и кашлял, и полоски на его куртке отражали солнце.

– Мама! Мам! – закричала, обращаясь к подъезду, Маша и зловеще прошипела Васе: – Сейчас тебе моя мама задаст.

И мама девочки действительно задала Васе. Она погрозила кулачищем из окна и что-то прокричала, Вася не разобрал что.

– Если ей что-нибудь сделаешь, кхе, я тебе покажу, кха-кха, – вдруг пригрозил Васе и большой мальчик, он даже кашлять перестал.

– Да, да, да! – прыгала девочка. – Да-аааа...

«Крыша» наконец провалилась, и девочка бухнулась на дно тоннеля, в котором собственноручно и долго утрамбовывала «тёплый» пол.

– Прыгучее настроение, – вздохнул Вася. – Допрыгалась.

– Плохой! – расхныкалась девочка. – Ма-ма! Я стукнулась! – и девочка Маша ушла.

– Ну. Теперь будешь иметь дело со мной. Кхррр. Я предупреждал, – сказал большой мальчик и громко кашлянул для острастки: – Кха!

– Она же сама упала, – возмутился Вася.

– Нет. Это ты её толкнул, – врал мальчик, он раскраснелся на морозе. И Вася понял: «Врёт и не краснеет» – неправильная поговорка.

– Скажи уж по чесноку, что ты тоже хочешь проломить тоннель. Рыть лениво, вот и рушишь. Достали вы со своим прыгучим настроением! – Вася собрал лопаты, и, не оборачиваясь, пошёл домой. Зачем этот большой пацан стал защищать прыгучую девочку? Вася почувствовал, что он сходит с ума: его обвиняли в том, чего он ни делал. Мальчик вёл себя непоследовательно. Согласился помочь, а сам остался стоять. Теперь грозит дракой... – а Вася же только снежки в девочку кидал от обиды, да и упала Маша сама. Если бы Вася был старше, то знал бы, что такая ситуация называется абсурдом.

«Прыгучие защищают прыгучих, – рассуждал Вася. – А копатели должны защищать копателей. Значит, и у меня должны появиться единомышленники». Единомышленники – это умное слово произнесла учительница, когда рассказывала о Минине и Пожарском. И Вася долго думал за обедом, где бы отыскать своего Пожарского?

Так и не надумав, где встретить единомышленника, Вася решил больше никогда не копать лабиринты во дворе, и вечером вышел погулять во двор с ледянкой – как все. «Эх! – мечтал Вася. – Хорошо бы в лесопарк на поле приезжали грузовки и сбрасывали туда городской снег! Столько всего можно было бы там настроить! Да и противных прыгучих ломателей в парке меньше! Э-эх. Пойду, осмотрю свои руины».

Но его ждало потрясение: лабиринт не был разрушен. Если не считать крыши, проломленной вероломной девочкой Машей. Но этот тоннель она сама и прокопала, значит повреждение не считается. Вася был поражён – лабиринтов ещё прибавилось! Неужели хриплый мальчик? Вася покатался на ледянке, подошёл ещё раз полюбоваться на лабиринт.

– Это моё тут всё!

Вася узнал голос Таси. Тася всегда выходила гулять с мамой после семи вечера. С Тасей Вася знаком был сто лет. Он ненавидел Тасю. Она была капризная, командирша, избалованная и грубая. Чуть что, она жаловалась маме. Хорошо ещё, что мама у Таси была добрая, милая и интеллигентная. И когда однажды Тася достала из мусорки бутылку и запустила ей в Васю, и попала ему в голову, мама Таси сразу сказала Васе:

– У тебя шишка огромная. Беги домой! Прикладывай лёд из морозилки к шишке.

Вася так и сделал, и шишка после льда сильно уменьшилась. Вася потом даже маму Таси поблагодарил. А ещё такой был случай. Позапрошлой зимой Тася предложила Васе играть в снежки. Снег был жёсткий, но Вася согласился. И когда Тася попадала ему в лицо, он терпел, но когда вдруг Вася попал Тасе в нос – это был жуткий крик. После, уже весной, Тася всегда

выгоняла Васю из команды, когда на площадке играли в вышибалы... Тася была злопамятная и мстительная.

Вася теперь даже пожалел, что его лабиринт не разрушил тот мальчик с кашлем.

– Это мой лабиринт! – противно повизгивала Тася.

– Это мой лабиринт. Я его строю второе воскресение.

– Ты врёшь. Это моё! Моё!

– Тася! – испуганно причитала мама Таси. – Тасечка! Вылезай. Экскаватор снег убирает с дорог. Там химические реагенты. Можно отравиться химическими парами! Свободный хлор – это яд! – мама Таси была жутко образованная.

– Ерунда, – сказала Тася. – Пары не пары. В дневник не идут. Уходи Вася. Дай мне посидеть спокойно, без нервов, – Тася любила говорить как учителя в школе.

– Но я же этот лабиринт сделал, – доказывал Вася. – Я не уйду.

– Ничего ты не делал! Ты врёшь!

– Это он сделал! – выбежала из подъезда Маша-дизайнер. – Это он сделал! А вот эту крышу я проломила. И весь день жалела. Но дизайн есть дизайн. Иногда приходится рушить, чтоб красивее было.

– Да у тебя просто было прыгучее настроение. Такое часто случается, – Вася перестал обижаться на Машу. Вася был очень Маше благодарен: она вроде свидетеля подтвердила его правоту.

– Точняк! Прыгучее настроение! А я-то думаю: что это такое со мной происходило? – обрадовалась Маша.

Вася сказал Маше:

– Пойдём на ледянке покатаемся. Пусть она сидит, сторожит.

– Эй, Васёк! Салют! – послышался с горки голос Филиппа. Филипп перебирал ногами по крутому склону, семенил как мог, где-то скользил, но всё-таки упал, покатился, скатился кубарем. На куртке у него блестела в свете фонаря медаль.

– Ты где? Я тебя ищу-ищу. А тут только эта была, – и Филипп указал украдкой от мамы Таси на её дочку.

– Да я тут на ледянке катался.

– А-аа. Я на горку и не посмотрел. Я думал, ты на раскопках. Я даже на поле сбегал. Вдруг ты там в ночи орудуешь? Ну как тоннель-то?

– Я сегодня лабиринт копал, – сказал Вася тихо, чтобы Тася не услышала.

– Я крышу проломила, – сказала Маша. – У меня ремонт. Тёплый пол меняли.

– Ну это ты зря, – улыбнулся Филипп, как будто и не он неделю назад всё рушил.

– Сама построила – сама проломила. У меня было прыгучее настроение. Прыгуче-разрушительное.

– А-аа. Понятно. У меня тоже такое бывает, – Филипп подмигнул Васе: видишь, и у меня прыгучее бывает, просто прыгучее.

– Эй! – крикнул он в лабиринт, как Винни и Алиса вместе взятые в кроличью нору. – Есть кто-нибудь дома?!

– Вали! Это моё всё тут. И подъезд мой самый ближний, – послышался голос Таси.

– Сама вали. Это Васёк построил.

Из норы показался большой помпон, потом Тасино лицо:

– Думаешь, медаль надел и наглеть можно?

– Я медаль завоевал!

– И ты сама наглеешь, – сказала Маша. – Мой подъезд ближе твоего. – и закричала, обращаясь к подъезду: – Ма-ама!

– Пошли Тасечка! – испуганно сказала мама Таси. Наверное, она опасалась маму Маши. Но Машино окно, из которого грозила мама днём, сейчас оставалась тёмным.

– Опять свой сериал смотрит, – топнула со злостью Маша.

– Я не уйду! – с вызовом сказала Тася, когда опасность миновала. – Я тут сторожу от таких, как вы. А то ещё крышу опять проломите.

– Ладно. Пошли кататься, Вась, на твоей ледянке, – сказал Филипп. – Таську не переспоришь.

И стали кататься по очереди. Кто дальше уедет. Уезжал дальше всех Филипп.

– Закон физики, – кричал он. – Закон импульса.

Из лабиринта послышался вой: у Таси замёрзли руки и ноги, и мама её увела. Но даже с замёрзшими руками Тася сопротивлялась, она боялась оставить лабиринт без охраны.

– Что ж ты, Маш, тёплый пол убрала? – сказал Филипп, глядя заснеженными перчатками медаль. – Вот охранники и замёрзли.

– Не охранники, не охранники! – орала Тася. – Я... я – хранительница.

– Ясно, – махнул рукой Филипп. – Фэнтези начиталась.

Тася переступала ногами как косолапый медведь и дула на руки. Мама что-то тихо объясняла Тасе.

– Тася! Тасечка! – закричала Маша, она испугалась, что Тася так окоченела в её тоннеде: – Тася! Я для экономии тёплый пол отключила. Знаешь, сколько сейчас электричество стоит?

Тася выла. Она ничего не слышала. Тихо запикал домофон, впуская Тасю в тепло.

– Это да. Это деньги большие на отопление пола. Лишний расход энергии, – согласился Филипп.

Вечером Вася думал, собирая на противный понедельник портфель:

«Удивительно. Тася сторожит тоннели – это хорошо: на площадке появился надёжный сторож. Маша с Филиппом подтвердили, что это я строил, а то Тася бы ни за что не поверила. Это тоже хорошо. И парень тот, который кашлял, не стал ломать, хоть и грозился, а, наоборот, ещё тоннелей прокопал».

В этот день Вася понял: всё в жизни зависит от настроения. В хорошем настроении все хотят дружить и все – твои единомышленники, а в прыгучем хотят рушить, ругаться и драться. Но как тогда быть с Тасей? Хорошего настроения у неё не бывает, а плохое – такое плохое, что хуже прыгучего.

На конкурсе Неуверенное настроение

Ларисе пять лет. Её мама – портниха. Они едут на конкурс портных и представляют там костюм. Лариса неуверенно чувствует себя на конкурсе, ей кажется, что её костюм – плохой, тем более, что её в этом убеждает соперница по конкурсу.

Фотография автора

Мама Ларисы шила на заказ. Она была портниха. И сейчас они с дочерью ехали на конкурс. Мама ехала и думала: «Всё-таки хорошо, что мы с Ларисой едем. И на репетиции вчера она хорошо костюм представляла, не стеснялась, не спотыкалась, и даже импровизировала». А ещё мама думала о том, как тяжело придумать что-то новое, даже маленькую деталь в одежде.

Мама вспомнила, что прошло уже полтора года с того дня, когда она увидела в магазине пуговицы в виде мизерных карандашиков и задумала сшить дочери зимний курточный костюм в таком же стиле: с карандашиками-апликациями на коленках и на спине. А ещё будёновку. Если надеть будёновку и встать против солнца, Ларисин силуэт напоминает гигантский карандашище.

Лариса пялилась в окно электрички, смотрела, как на платформе растекаются лужи растаявшего снега и думала: «Хорошо бы наш вагон на каждой станции останавливался у огромной лужи, тогда бы никто больше не входил к нам, а только выходили». Лариса страсть как любила бегать по пустому вагону: туда-сюда между кресел, но такая удача (пустой вагон) случалась крайне редко. Вот и на этот раз лужа оказалось только у одной двери, и все-все люди входили в одни двери.

– Насыпали реагентов, – ругались тётки. – Сапоги так и выедает выедом химия.

– А потом подмёрзнет и опять гололёд, – авторитетно заявил толстый дядя и стал протирать запотевшие очки.

– Гололёд – это голый лёд. Это бух! – сказала Лариса. Она любила встречать в чужие разговоры.

– Именно: бух, вот именно что – оп! – и лежишь, и встать не можешь, а почему?

– Почему?

– Потому что – перелом, – с торжеством сказала бабушка и тут же совсем другим голосом, плаксивым, писклявым, жалобным, продолжила: – Только-только оклемалась, а никто место не уступает.

Пришлось Ларисе уступать место и стоять рядом с мамой, опираясь на толстый мягкий пакет с костюмом, который ей нужно будет совсем скоро представлять на сцене.

Вчера Лариса приезжала в незнакомый дом на репетицию. Дом с огромными колоннами, у колонн – завитые причёски. Лариса залюбовалась. Дом был местами облупленный, но большой, нарядный: снег к колоннам пристал только с одной стороны: то ли справа, то ли слева. Лариса путала право и лево – ей недавно исполнилось целых пять лет, а она всё путалась.

Внутри дома вчера было пустынно, а сегодня повсюду нарядные люди. Все снимали шубы и куртки, женщины надевали туфли, и девочки тоже.

– Ой! Пойдём! Посмотрим выставку! Время есть, – мама тащила Ларису от гардероба вглубь по коридору – к чему-то красивому, разноцветному.

Но тут маме преградили дорогу: девушка с микрофоном и дядя с огромной техникой на плече.

Девушка спросила у мамы: откуда она приехала. Мама ответила.

– А вы в какой категории выступаете?

– В детской мы, – сказала Лариса.

– Ну надо же, – девушка присела перед Ларисой на корточки и спросила: – Значит, ты модель?

– Я – Лариса.

– Какое имя красивое.

– Редкое, – сказала техника у дяди на плече.

– Значит, ты, Лариса, будешь представлять мамино творение?

– Я в костюме по сцене буду ходить. Я уже вчера приезжала сюда, репетировала.

– У тебя, наверное, на конкурс красивое платье?

Лариса молчала. Везде, и в саду, и во дворе, все задавали тот же самый вопрос.

– Нет, – улыбнулась мама. – У нас модель практичная, для улицы.

– Да-да! И для луж и для снега, и чтобы падать мягко, можно сумочку подложить.

– Значит: осень-зима – улыбнулась журналистка.

– Конечно зима, – закивала Лариса. – Такие у дома колонны с завитушками. Вчера на колоннах шапки из снега были, завитушек видно не было, а сегодня сдуло.

Девушка с микрофоном пожелала победы и стала приставать к другим людям, а мама с Ларисой подошли к стендам. Это всё были рукодельные стенды. Висели на стенах странные картины. Лариса подошла к одной: она была огромная, почти до пола, и девочке хорошо было видно, что картина состоит из миллионов – сикстилионов цветных звёздочек, похожих на точёные снежинки в сильный мороз. Потом пошли стенды с подушками и покрывалами, сшитыми из разноцветных кусочков.

– Пэчворк, – подсказала мама.

Были стенды с нарисованными расплывчатыми картинами, но по ткани.

– Батик – сказала мама.

Были стенды с игрушками. Были даже сценки из игрушек.

– Как настоящие!

– Настоящие! – Женщина в платочке и сарафане улыбалась Ларисе.

– Вы как солнышко! – сказала Лариса.

– Я и есть солнышко. Настоящее солнышко... А это козочка Розочка, это корова Милушка. Лиса наша Патрикевна, Михайло Иваныч Потапов...

Лариса смотрела и смотрела на фигурки, любовалась и любовалась... На отгороженной площадке стояли и домик, и забор, бегали перед забором страшные звери, а хорошие звери жили в теремке. Петя-петушок сидел на крыше с открытым клювом и кукарекал! По – настоящему, не по-игрушечному. Из хвоста у него торчали разные нитки: толстые и тонкие, гладкие и с узелками. И звери были все из ниточек. И дерево с пнём из ниточек, и даже земля была из стриженных ниточек. А огромный домик-теремок и забор – из великого множества спичек.

– Ого! Огромный домина! – радовался мальчик рядом с Ларисой. – Из спичек.

– Спички – тоже ниточки, только деревянные, – ответила Лариса.

Тётя-солнышко засмеялась, тыкнула пальцем в траву и вдруг шерстяной клубок, но не простой, а с ушками и серой мордочкой, стал катался туда-сюда вдоль забора...

– Ерунда какая-то! Дерёвня.

Лариса обернулась. Позади неё стояла девочка, розовощёкая, с большим красивым атласным бантом на затылке, со сверкающими заколками. Девочка прочитала почти уверенно табличку:

– Композиция «Теремок». – И опять огорошила: – Ерунда.

На лицо женщины нашла тучка. Солнышко пропало. Она опять нажала на траву, и всё замерло: хвост петуха перестал шевелиться, клубок встал как вкопанный...

– Сама ты – ерунда, – сказала Лариса.

– Я – не ерунда. Я по сцене буду ходить. Я в конкурсе участвую. У меня платье, знаешь какое... Отпад!

– И я костюм демонстрирую, – отозвался мальчик.

– А какой костюм? – девочка манерно, как королева, отстегнула бант, поправила тяжёлые распущенные волосы, повернулась к Ларисе заколками.

– Да такой костюм, – сказал мальчик. – Костюм рэпера-беспризорника.

– Фууу, – облегчённо выдохнула девочка. – И на что это похоже?

– На твою причёску, только без блёсток.

– Дурак, – девочка сорвала с волос заколку-бент, отошла от стендов гордая и неприступная, собирая поспешно волосы в хвост.

– Бантик свой не забудь прицепукать! – смеялся мальчик. Он был весёлый, этот мальчик. Ларисе стало обидно, что она младше этого мальчика и поэтому боится с ним поболтать. Была бы повзрослей, обязательно поболтала.

За кулисами шерстил полумрак. Он успокаивал, он бы даже усыплял, если бы не дядя с техникой на плече и тётя с микрофоном. Дядя направлял свою технику то на одного ребёнка, то на другого...

Накануне, на репетиции, Лариса гордилась своим костюмом, а теперь она сидела в своём ещё недавно таком любимом таком обожаемом костюме в самом тёмном уголке и мучилась. Пестрило в глазах от нарядов. Мальчики и девочки, совсем мелкие, и ровесники Ларисы, и постарше – уже школьники, вертелись, крутились, вышагивали, репетируя свой выход. Сколько было платьев: воздушных и похожих на кожу змеи, сколько было пелерин и клетчатых фасонных пиджачков... И никого больше не было в зимнем курточном жарком пухлом костюме.

Знакомая девочка, причёсанная по-новому, с завитыми буклями, с ещё бОльшим количеством маленьких-маленьких мерцающих заколок, вышагивала в своём сказочном платье. Платье было с оборками, множеством юбок и блёсток из полупрозрачной невесомой материи. Девочку было не отличить от героинь мультфильмов и раскрасок. Эта девочка была мечтой любой девочки. Воплощённой мечтой!

Девочка старалась вышагивать неподалёку от дяди с техникой на плече.

– Девочка, милая! Ты – принцесса? – спросила тётя с микрофоном.

– Да! – надменно ответила девочка. Лариса видела, как девочка вся встрепенулась.

– Будь добра, принцесса: не мешайся под ногами, ты мне кадр портишь, – сказал дядя, присаживаясь на корточки перед малышкой в космическом малюсеньком платье и необыкновенной шапочке с антенной.

Принцесса нахохлилась, насупилась, поджала обиженно губы, подошла к Ларисе:

– А где твоя мама?

Лариса обрадовалась, хоть с кем-то поболтать можно. А то она в ожидании начала конкурса совсем стала пришибленной и дикой, стала затравленно на всех посматривать.

– Мама? В раздевалку пошла. Она батарейки для вспышки в куртке забыла, – с готовностью ответила Лариса.

– Мама в куртке, и ты в куртке, – сморщила Лариса носик. – А у меня у бабушки – шуба, а у мамы – меховое ателье!

– Это вы зверьков убиваете? – испугалась Лариса.

Девочка замешкалась, недоумённо пожала плечами с лёгкими прозрачными «крылышками».

– Как тебя зовут? – спросила принцесса, поправила маленькую заколку-прищепку, откинула буклю.

– Лариса, – угрюмо сказала Лариса, ей расхотелось говорить.

– Фу. Какое имя противное. Крысиное.

Лариса понимающе вздохнула. Ей и самой не нравилось её имя. Вот бы её назвали Кристиной, или Полиной, или Алисой, или на худой конец Настей... А то Ларисой – в честь бабушки, которую она видела только на фотографии.

– Народу столько. Столпились все тут, – брезгливо сказала девочка, указывая на детей. – И чего им надо-то всем?

– Как чего? Мы же сейчас модели представляем. У меня вот на брючках номерок, и у тебя на платье номерок. Конкурс же!

– На брючках, – поморщилась принцесса. – Да у тебя обычные паркИ зимние. В таких на каждой горке зимой все катаются.

– А в таком платье как у тебя, у нас на «ёлке» все девчонки приходят – это подошёл тот хороший мальчик, но сейчас он стал каким-то вертлявым.

Девочка поджала губы, лицо её на стало надуваться, она пыхтела от злости.

– А что ты вертишься? – спросила Лариса.

– Это я роль вхожу, в образ. А ты, вот, сидишь и в образ неходишь. Проиграешь...

Лариса совсем раскисла. А мальчишку и правда стало не узнать: в странной кепке, в странных штанах и в удивительной рубашке с необыкновенным галстуком. На галстуке были нарисованы фигурки: кружки, квадраты, треугольники...

– Ой! Да ты на себя посмотри! – блестящая девочка отошла от обиды презрительно выпятила нижнюю губу. – Штаны как у Карлсона. В таком виде только по помойкам шляться. Бомжара.

– Не слушай эту дуру! – сказал Ларисе мальчик. – Ну я пошёл. Скоро начнётся.

– Я тут первое место займу, без вопросов, – пропела принцесса и покачала головой.

– Без вопросов, без вопросов. – Мальчик обернулся и покрутил пальцем у виска:

– Не ты же займёшь. А тот, кто шьёт, – сказала Лариса девочке.

Лариса любовалась на причёску этой девочки. В полумраке кулис заколки искрились, навеивая загадку, напоминая о том, что волшебство совсем близко, оно вокруг этой девочки. А вокруг Ларисы волшебства нет, и блёсток у неё ни на костюме нет, ни в волосах – на голове-то будёновка...

– Ну да. Бабушка моя участвует, а я – модель. И мама моя модель. Она во взрослой одежде платье представляет. Меня мама всему-всему научила: я и ходить умею правильно, а не как медведица – смотри эта девочка-личинка с антенной вообще еле ходит. Как она представлять-то своё платье будет? И эта шапочка на ней.

– Она ловит сигналы с других планет, – сказала Лариса.

– Куда я попала? – принцесса закатила глаза. – Тот парнишка вообще обзывается и бомжа изображает, ты – в уличной куртке, а личинка в космос хочет лететь.

– Приготовились! – объявила ведущая. – Номер один – выход.

Мальчик в костюме хулигана-рэпера выбежал на сцену под музыку.

– Номер второй!

– Номер второй! – передразнила принцесса. – Ой, бяда-бяда. Ты какая по счёту?

– Не знаю. Я только лебёдку знаю и палочку. Вот у тебя как раз такие цифры.

– Лебёдка. Двойка что ли? Ой, деревня. Да у меня номер самый счастливый: дюжина. Ну покажи-ка, горе, свой номерок.

Лариса встала и показала на брючину, где был прикреплён номер. Девочка поджала губы.

– Семь! Это семь! – вспомнила вдруг Лариса. – Это же кочерга.

– Кочерга, – девочка брезгливо поморщилась и сказала: – говорю: не позорься. У других хоть отстой, но всё-таки одежда, а у тебя уличный прикид. О! Бомжара к нам идёт.

– Подбежал мальчик в костюме хулигана.

– Лариса! Тебя мама ищет.

– Фуу... И сумка у тебя отстойная, – девочка снова поджала губы и ушла королевской походкой, гордо подняв голову.

Лариса почувствовала себя совсем виноватой: она всем тут противна, во всяком случае этой девочке.

– Лариса! – сказала мама. – Вот ты где. Пошли! Скоро твой выход.

– Я не пойду, – Лариса забилась в угол, прямо в занавес завернулась вместе со стулом.

– Как не пойдёшь? Ты что? Ты же вчера так здорово репетировала. Мобильник в сумку положила?

Мобильник был игрушечный, бордовый пластмассовый корпус, даже кнопочки не нажимались, он Ларисе в новогоднем подарке среди конфет попался. Лариса на сцене должна была сумку открыть, достать его...

– Положила.

– Лариса! Что с тобой?! Сейчас пятый номер. Потом – шесть. Потом – ты.

– Не пой-ду, – отчеканила Лариса.

Мама внимательно посмотрела на Ларису, лицо дочери белело в тёмном углу кулис.

– Но почему, Лариса?! Столько работы пропадёт. А время?! Сюда же далеко ехать!

– Над ней тут девчонка смеялась: вся в блёстках такая, деловая, – ввернул мальчик-репер.

Лариса упрямо сидела на стуле и мучилась: как могло так получиться, что появился такой уродский костюм. Сначала-то у неё был другой костюм. Мама отшила его, сфотографировала Ларису на природе, среди деревьев: Лариса протянула руку с семечками, ей на руку села синичка... Лариса этот костюм и не помнила, только фотографию видела. А потом уже, когда маму допустили до конкурса, мама сшила новый костюм, ещё лучше прежнего – Лариса очень быстро росла, старый костюм уже был мал...

– Лариса! Неужели из-за того, что кто-то плохо о костюме отозвался, ты не пойдёшь?

– Не пойду, – захныкала Лариса. Она понимала, что подводит маму, но и позориться в своём зимнем душном костюме не хотела: хотя конечно подкладка на куртке была прохладная, если её просто трогать, а не надевать на себя.

– Лариса!

– Мама! Почему ты мне не сшила платье?

Мамино лицо вытянулось, глаза расширились:

– Да ты что, Лариса! Я таких платьев заказчицам миллионы-сикстилионы пошила! Ты же знаешь.

– А мне на Новый год не сшила.

– Но в них нет ничего оригинального. Зачем тебе это нужно? У тебя прекрасный костюм.

– Да, Лариса! Классный костюм. Ты даже не думай, – уговаривал и мальчик.

Лариса зарыдала.

– Э-эх, – махнул обречённо рукой мальчик. – Сразу видно, что в школу не ходишь.

– А что в школе? Учат костюмы показывать? – спросила мама.

– Нет. Школа учит боевому настрою. В школе надо выживать. Без боевого духа – никуда. Знаете, в школе сколько таких блёсток, которые только и говорят: это – ерунда, ты – debil, ты – бомж.

– Номер семь! Где номер семь?!

Лариса всё сидела на стуле.

И все стали кричать:

– Номер семь. Костюм «Карандаш». Где ты?

– Не хочешь, не ходи! Упрямая как баран. Мало ли кто что сказал, – резко сказала мама и отвернулась.

– Номер семь!

– Идём, идём! – отозвался мальчик. – Ну же! Лариса!

Злость мамы передалась Ларисе. Тем более, что все дети после выступления вбегали за кулисы довольные, а из зала слышались хлопанья.

– Я тут. Я номер-кочерга!

– Мы тут, – сказала и мама. – Ну, Лариса, постарайся. Помни: не себя показываешь, а демонстрируешь костюм.

Лариса вышла на сцену, и всё забыла: обиды, сомнения. Она пропала на сцене, это был другой мир. Мир настоящего волшебства и перевоплощений, остров, островок, где не было злости и обид, где было только то, что представит выступающий. Лариса – хозяйка выступления, все смотрят на неё. На репетиции мама говорила, что нужно ходить так, будто на сцене глубокий снег, чтобы создать ощущение зимы. Но свет бил Ларисе в лицо. Солнышко! Она вспомнила домик и зверей из ниточек. Она прошлась, прокатилась как ёжик, по кругу, потом пробежала, представляя себя козочкой Розочкой, а потом прошлась тяжело как корова Милушка по весеннему тяжёлому снегу. Потом Лариса расстегнула куртку, бросила её на пол. Заблестела под искусственным светом подкладка. Под курткой у Ларисы висела сумка в виде карандаша. Лариса расстегнула сумку, взяла в руки пластмассовый мобильник, приложила к

будёновке и стала ходить кругами, жестикулируя. Кто-то засмеялся, но не зло, а одобрительно. Послышались хлопанья, сильнее и сильнее. В то время мобильники были ещё в новинку, и люди постоянно говорящие по телефону вызвали удивление, были непривычны. Сценка, разыгранная Ларисой, как бы высмеивала таких людей. Музыка закончилась. Лариса спрятала мобильник в сумку, сняла будёновку, помахала залу, потом подняла куртку, помахала теперь курткой, накинула на плечо, и вразвалочку, как мальчик-хулиган, ушла за кулису.

– Молодец! – похвалила мама Ларису. – Пойдём в зал теперь. Посмотрим остальных.

Когда проходили мимо девочки-принцессы, Лариса заметила, как та опять сидела надутая, а увидев Ларису отвернулась.

Ещё долго проходили показы. Сначала дети, потом взрослые, потом другие взрослые, не в сшитых, а в вязаных вещах. Когда выступали взрослые, Лариса сразу узнала маму девочки-принцессы. Такая красавица, стройная, в таком же, как у дочки фасоне. Мама-королевна!

Потом был концерт. Когда объявили награждения, Лариса бегала с детьми в салки-прилипалы в фойе. Там были такие огромные растения в таких огромных горшках, что за ними можно было укрыться с головой, как за кустом на прогулке.

– Лариса! Пошли!

Сначала на сцену вызвали всех детей и вручили им и мамам подарочные мешки с шапочками и шарфиками.

А потом стали вызывать победителей. Вот уже и третье место наградили – малышку в космическом платье, вот уже и второе место наградили – мальчика в костюме озорника-рэпера. Он вышел, пританцовывая, как настоящий уличный хулиган.

– Ну всё, – сказала мама разочарованно. – Можно уходить.

И они с мамой стали пробираться через кресла к выходу...

– Сейчас меня наградят! Меня наградят! – послышался знакомый надменный голос. В зале рассмеялись.

«Конечно, – подумала Лариса. – Сейчас принцессе первое место отдадут».

Но тут объявили их фамилию.

– Лариса! Мы первое место взяли!

Мама и Лариса побежали обратно к сцене, им вручили огромную корзину с разными баночками-скляночками и огромный букет.

– Как раз ростом с тебя корзина. Корзина ростом с карандаш! – жала Ларисе руку председатель жюри по фамилии Шуба.

Потом Ларису долго фотографировали, и малышку, и озорника-хулигана-рэпера.

– Ты на сцене по мобильнику говорила? – спросил фотограф. – Доставай!

Лариса не сразу поняла, столько было впечатлений, потом вспомнила:

– А-аа.

Она достала игрушку, приложила к будёновке.

– Замечательно. Настоящая модель.

Все разошлись переодеваться. Лариса, как не оглядывалась по сторонам со своей скамейки, не видела больше ни девочки-принцессы, ни её мамы-королевы, ни их бабушки-мастерицы. А Ларисе очень хотелось похвалиться перед принцессой-зазнайкой.

– Как так, мамочка?! Она же утверждала, что получит первый приз.

– Ой, Лариса... – вздохнула мама.

– Похвальбушки все вредные и хитренькие! – Лариса радовалась, скакала, кружилась, представляя, что на ней надета крутящаяся юбка «солнце», которые мама часто шила заказчицам.

Подошёл мальчик. Лариса сначала и не узнала его в обыкновенной одежде.

– Ну вот! Прощай!

– Сёма! Ты хоть поздравь!

– Поздравляю! – сказал Сёма и поправил очки. – А всё-таки я тоже тебе помог. Ты раскисла. Не надо. Не раскисай.

И мама Сёмы сказала:

– Ты запомнила, что в жизни главное?

Лариса растерялась, покрутила отрицательно головой, не знала, что ответить. Тут она увидела девочку-принцессу в обычной одежде, с перепутанными буклями, и даже без банта и заколок. Девочка стояла у гардероба и грозил кулаком. Но Лариса даже не расстроилась, и тут же сообразила, что в жизни главное.

– Боевое настроение?

– Верно!

– А ещё поддержка! – сказала мама Сёмы.

– Мы бы, Сёма, без тебя пропали! – сказала Ларисина мама. – Спасибо!

Поболтали ещё о том-о сём, покопались в подарочных сумках, сгрызли по энергетическому батончику, запили соком...

Пока ехали домой, мама и Лариса шептались за огромной корзиной, которую Лариса еле удерживала на своих коленях. Лариса вспоминала девочку-принцессу и то, как она всем говорила обидные слова всем.

– Такая уверенная, наглая! – возмущалась Лариса.

– А знаешь, – сказала мама. – Она сразу поняла, что у тебя хороший костюм, вот и решила сделать так, чтобы ты расстроилась. И, знаешь, ей это почти удалось.

– Просто я была как заколдованная. Я решила, что хуже всех.

– Да. Такое часто случается, – вздохнула мама. – Мне тоже всё время кажется, что у других всё получается лучше. На конкурсе всё зависит от судей. А вдруг они тоже принцессины платья любят... Все просто помешались на этих безвкусных платьях.

На следующий день по телевизору в новостях несколько раз прошёл репортаж о конкурсе. И маму с Ларисой показали, и Сёму, но больше всех космическую девочку-малышку, о ней и был снят сюжет, и тётя-солнышко всем улыбалась в конце и махала рукой. Принцесс в репортаже замечено не было.

В модных журналах появились фотографии Ларисы в костюме.

А у мамы стало больше заказчиков. И под Новый год, и на другие праздники ещё больше стали заказывать маме принцессиних платьев. Мама шила их молча и быстро-быстро, ведь заказчик всегда прав, а заработанные деньги маму и Ларису очень выручали.

Ещё долго Лариса носила подаренные на конкурсе шапочку и шарфик, а мешок, в котором они лежали, ей пригодился для сменки в школе. Ещё долго-долго не кончались мыла в форме розочек и шампуни в витиеватых бутылках из огромной корзины, до самой школы хватало. Осенью Лариса стала складывать каштаны в освободившуюся корзину. Она относила каштаны на урок технологии, на весь класс. А к началу зимы в корзине селились яблоки... В ноябре дачную антоновку до самого лета сменяли яблоки из магазина, то красные, то жёлтые... Корзина оказалась универсальной и почти вечной.

В школе Лариса не раз уже сталкивалась с такими же вредными и злыми девочками как та принцесса с конкурса.

«Какая я была простушка», – думала теперь подросшая Лариса.

Боевое настроение часто помогало Ларисе ответить урок, и не испугаться школьных забияк, и обогнать одноклассников на лыжном кроссе. Прошло много лет, а Лариса по-прежнему вспоминала то чувство торжества, когда ей вручали корзину с подарками. Она вспоми-

нала и Сёму, послушного мальчика, который буквально перевоплотился в хулигана, сняв очки и надев костюм.

– Как жаль, – говорила Лариса. – Что мы с ним попрощались навсегда.

В солнечные зимние дни Лариса вспоминала и рукодельницу в платочке и сарафане, и её зверят из ниток: у них тоже было боевое настроение. Ведь они защищали свой теремок.

Краплак краснѣй Мучительное настроение

Восьмилетняя Лариса занимается в изостудии. Дикая несправедливость обрушивается на неё.

Лариса много рисовала. И раскрашивала много. Когда на уроках чтения ей было скучно, она доставала потихоньку фломастеры и раскрашивала, раскрашивала, прячась за спинами впереди. Лариса сидела на предпоследней парте у стены, то есть почти дальше всех от стола учителя. Позади Ларисы сидел только Чернявский, вертлявый длинный нестриженный и неопрятный, он читал огромные книги. Чернявский тоже скучал... Но его учительница никогда не вызывала на чтения, а Ларису – вызывала. Конечно же учитель видела, что Лариса не следит, и хотела, наверное, её «поймать». Но Лариса всегда запоминала последнее слово – то, которое прочитывал ученик прежде, чем его останавливали. Лариса быстро отыскивала это слово, пробежавшись глазами по крупным буквам учебника, и читала, быстро-быстро, торопливо, чтобы поскорее отстали, и можно было дальше раскрашивать. Учительница ставила четвёрку «за бормотание», теряла к Ларисе интерес, приставала к другому ученику:

– Читай!

«Читай!» Нет чтобы сказать: «Раскрашивай!» И почему учителя всегда учат неинтересному? Неужели нельзя на дом задать почитать, а в классе, на уроке, попросить нарисовать рисунок к произведению!

В день, когда Лариса получила вторую за сентябрь четвёрку по чтению, вернулась от клиентки вся промокшая мама. Лариса подбежала к окну. Крупные капли стекали по стеклу. Стекали, стекали, стекали... Двор за окном стоял размытый, нечёткий, серо-цветной, а Лариса даже и не заметила, что на улице ливень. И ведь колотит по крышам, по асфальту, а она не заметила...

– Лариса! – торжествующе сказала мама, водрузив на портновский манекен костюм заказчицы. – Я прочитала объявление, весь двор завешан: набор в детскую студию.

– И что? Сейчас много таких объявлений. Хип-хоп, английский, сольфеджио. Все танцуют, болтают, музицируют, а я...

– Я тоже сначала думала, что танцы. Пригляделась: «Начинает работу новая детская изостудия». Понимаешь – новая! Я прямо с костюмом и побежала по адресу. Я тебя уже записала. Эх! Жаль, что дождь объявления размочет, никто не придёт.

Но на первое занятие пришло много людей. Все столы были заняты. Ольга Викторовна, педагог и художник, очаровала и детей, и родителей. Молодая, энергичная, с длинной косой. А какие серёжки у неё были в ушах. Резные, с голубыми камнями и тонкой микроскопической росписью в центре – Лариса такие видела только на картинах.

Ларисе ужасно нравилась в изостудии. Она бежала, неслась на занятия сломя голову, не могла дожидаться вторников и четвергов. Остальные дни недели Лариса перестала уважать, особенно пятницу – ведь до вторника оставалось ещё целых четыре дня!

Через месяц работы Ларисы и мальчика Гриши отправили на окружную выставку.

Лариса нарисовала натюрморт, мазками-мазками.

– Где ты видела такую вазу? У тебя дома такая? – столпились вокруг дети.

– Нет. У меня в голове такая ваза.

Да, Лариса никогда такого натюрморта не видела, и такой замысловатой вазы тоже. В восемь лет дети ещё не рисуют с натуры – ведь это так скучно.

С каким волнением Лариса шла на выставку с мамой, как она гордилась... Но в понедельник галерея оказалась закрыта. Тогда Лариса с мамой пришли в выходной.

Ларисина работа терялась на фоне других работ, натюрморт был детский, а многие работы были нарисованы как будто взрослыми. Но маме понравился натюрморт, и Гришина работа тоже.

Ольга Викторовна попросила оставить дипломы за участие в выставке в студии, она хотела их отсканировать и вернуть, но не успела. Какой-то малыш из утренней дошкольной группы порвал дипломы на палитру. Нет! Если бы он взял дипломы и попробовал на обратной стороне краски – это ещё ничего, дипломы можно бы было спасти, но он их порвал! Разорвал на четыре части...

– Обидно, но ладно, – вздыхала Лариса, повторяя за Ольгой Викторовной.

Весь год Лариса вместе со всеми рисовала, рисовала, расписывала, лепила. Вместе с Ольгой Викторовной мечтала о муфельной печи для обжига.

В конце года Ольга Викторовна организовала выставку. И пришло много людей, потому что выставка проходила как раз в день выборов. Ларису наградили как активного художника студии, подарили ей огромную коробку пастели – цветных мелков, которыми можно рисовать по бумаге, а потом пшикнуть на лист лаком для волос – тогда картина не будет пачкать руки...

И Чернявский ходил и смотрел на картины в белых одинаковых паспорту. Он подошёл к Ларисе и спросил:

– А почему у твоей Мальвины ноги такие худющие, как палки? Так не бывает.

Лариса пожалала плечами – она не знала, почему у её Мальвины такие ноги. Ну не знала и всё тут! Ларисе было всё равно: бывает так или нет. Просто появилась на листе такая Мальвина, просто появилась и всё.

Это был самый счастливый Ларисин год в изостудии. А на следующий год в группу пришли новенькие. И среди них – девочка Маша Ченибал.

Однажды, в очередной дождливый октябрьский день, Лариса и Маша остались дежурить, убирать столы. На стенах висели работы последних занятий – эскизы рисунка тканей.

– Фуу... Тебе вот это нравится? – спросила Маша, указывая на эскиз.

Лариса не знала: нравится ей или нет. Она закрывала студийные банки с гуашью. А потом надо было бегать в туалет мочить тряпку и вытирать столы. Лариса надеялась, что Маша, перестанет, наконец, рассматривать работы на стенах и начнёт тоже закрывать гуашь, но Маша всё ходила и рассматривала, и мучила Ларису:

– Так нравятся тебе эти колокольчики на голубом фоне?

– Не знаю, – большая банка гуаши у Ларисы не закрывалась, краска присохла вокруг горлышка, надо было посильнее закручивать крышку, чтобы присохшая краска отвалилась и тогда банка закрылась бы плотно. «Вот Чернявский бы легко закрутил эту крышку», – подумалось Ларисе. Она часто фантазировала, что ей в чём-то помог Чернявский: вылепить снежную крепость, дотащить до подъезда снежок с маленьким братом Васей, открыть или закрыть банки гуаши, чтобы засохшая краска сдалась и хрустнула и отшелушилась...

– Краплек красный, краплек красный... – твердила Лариса, счищая стеклом краску с горлышка.

– Ну хорошо, если ты не знаешь, нравится тебе этот эскиз или нет... – мучила и мучила Ларису Маша Ченибал, – скажи мне тогда: ты бы платье такое стала носить?

Банка закрылась. Лариса довольная посмотрела на стену, на эскизы, прищурилась – так делала всегда, оценивая работу, Ольга Викторовна:

– Стала бы, – сказала Лариса, хотя на самом деле вообще не носила платья. Из юбчатой одежды у неё был только школьный сарафан.

– Как? Стала бы тако-ое носить?!

– Ну не стала, – вздохнула Лариса и пожала плечами, лишь бы закончить этот допрос. – Пошли, Маш, тряпки намочим. Смотри, какие испачканные столы.

В следующий вторник, перед занятием, Лариса проходила мимо Ольги Викторовны. Рядом с ней стояла какая-то женщина. В чёрном мягком блестящем плаще и чёрных перчатках.

– Хорошо, – сказала Ольга Викторовна чёрной женщине каким-то незнакомым твёрдым голосом. – Я поговорю с Ларисой.

Лариса не придавала этому никакого значения, разговор тут же вылетел у неё из головы: начиналось занятие, сейчас Ольга Викторовна расскажет новую тему, покажет альбом с великими картинами, и можно будет рисовать, рисовать, рисовать...

Прошло ещё где-то с полмесяца. И однажды Лариса осталась убираться одна – второй дежурный, Гриша, смылся, сославшись на «много уроков». Лариса была счастлива. Ей помогала Ольга Викторовна. Новая муфельная печка мигала красным глазом и напоминала маленького безушастого бегемота. Банки стояли с грязной водой. Гриша никогда не выливал за собой воду, куда уж там за другими. Кисти стояли в стаканах, как придётся, щетиной вниз... Лариса всё разбирала, всё убирала, не торопясь, чтобы подольше побыть с Ольгой Викторовной. Надо было плотно закрыть банки с керамической глазурью и ангопом, плотно перемотать полиэтиленом шамот.

– Ольга Викторовна! Посмотрите: правильно я сделала?

Ольга Викторовна вытирала стол. Она не сразу откликнулась. Что-то задумчивое и грустное было в её лице. У Ольги Викторовны бывало такое настроение, когда болела её маленькая двухлетняя дочка. Но Лариса сегодня, когда отводила в садик своего младшего брата, видела в группе Ксюху – дочку Ольги Викторовны, здоровую и цветущую. Она сразу побежала играть в машинки. Лариса давно заметила, что теперь все маленькие девочки играют в машинки... Ольга Викторовна тёрла и тёрла одно и то же место на столе. Этот островок чистоты переливался под тихо тарахтящими лампами, а вокруг, на остальных столах, серели глиняные разводы и разводы из застарелой не отёртой ранее краски.

Лариса ещё раз переспросила. Ольга Викторовна встрепенулась. Она посмотрела на Ларису внимательно, и Ларису обдало холодом. Педагог тряхнула решительно серьгами и сказала:

– Лариса! Почему ты обижаешь детей в студии?

– Я обижаю?! Когда? – Лариса была обескуражена.

– Ты сама знаешь, когда.

– Я?! – Лариса поднялась с корточек, она стояла рядом с ванночкой, с шамотом и глиной, только что так бережно ею укутанными в полиэтилен, и ничего не могла понять.

– Да. Именно ты. Ты говоришь другим детям, что у них плохие работы.

– Я не говорила, – запротестовала Лариса. – Я никому не говорила такого.

– Нет. Говорила. Если ты, Лариса, хорошо рисуешь, это не значит, что другие дети должны из-за этого страдать.

Лариса стояла и чувствовала, что это её, а не шамот положили в ванночку и крепко-накрепко укутали полиэтиленом, что это её, а не поделки, поставили в муфельную печь и сейчас обжигают.

Лариса не плакала, нет. Она была потрясена. Она думала: это какая-то ошибка. Ведь она никогда никому не говорила, что у кого-то там плохая работа. Ей это и в голову не приходило. Она и не смотрела особенно на работы других. На занятии она старалась не терять времени зря. А когда в конце занятия все работы раскладывались на полу, и начиналось обсуждение, Лариса торопилась начать убираться, ей не хотелось никого обсуждать. Лариса всегда любовалась работами старшей группы, развешанными по стенам, восхищалась расписанными ими матрёшками – ей казалось, что она никогда так не сможет, не будет у неё так получаться...

Лариса в жизни редко кому-то говорила неприятное и обидное, когда уж совсем достанут. Никогда, никогда Лариса не вела себя так, как будто она лучше других.

– Кого я обидела, когда я говорила, что работа плохая? – бурмотала Лариса.

– Ты сама знаешь, кого, сама знаешь, когда! – раздражённо повторила Ольга Викторовна, лицо её стало не злое, нет, но недоверчивое и немного, совсем чуть-чуть, брезгливое. Серёжки болтались в ушах как маятник в музейных часах, будто говорили: так-так-так-тебе, Лариса, так-так-тебе-и-надо.

Педагог и её провинившаяся ученица молча и быстро доубирались. Ольга Викторовна выключила муфельную печь. Красный глаз потух, как бы говоря Ларисе: всё, что я здесь услышал, меня не касается, я никому не расскажу. А Ольга Викторовна, как ни в чём не бывало, сетовала на то, что в старшей группе после покрытия лаком матрёшек кобальт синий потерял свою глубину и цвет, превратившись в грязно-голубой.

Они шли под темным дождём – педагог и ученица. Они говорили, как будто ничего не произошло. Лариса болтала даже оживлённее обычного. И Ольге Викторовне казалось, что она хочет загладить свою вину... Лариса рассказывала о выжигании, Ольга Викторовна отвечала, что выжигание – та же графика, что болванки матрёшек обычно выжигают по контуру... Впервые Лариса не любовалась дождём, не обращала внимание на свет фар и фонарей, которые отражались на мокром асфальте, превращая город в необыкновенный край преломлений, и цветных – мазками-мазками, как в Ларисином натюрморте – отражений. Всё померкло в душе Ларисы, всё потускнело. Она была обескуражена странным разговором и легче от уличной их с Ольгой Викторовной отвлечённой беседы не становилось.

У остановки попрощались.

Дома Лариса никому ничего не рассказала, она никогда не рассказывала о случаях, произошедшей с ней, зачем кого-то беспокоить. Да и мама могла перебить, недослушать, неправильно понять.

Впервые Лариса не хотела, чтобы быстрее наступал четверг. Она злилась: всего одна-одинёшенька среда без студии после вторника. В четверг Лариса еле-еле плелась по гололёду – ночью ударили первые заморозки. Лариса даже не припомнила, что надо проверить: лежит ли как с утра на жёлто-коричневых листьях иней или растаял.

Лариса тихо вошла в студию, тихо села за стол, в самый дальний конец, в самый дальний угол – как в школе. А Маша Ченибал заняла Ларисино место. Во время занятия Ольга Викторовна с интересом смотрела на Ларисину работу, с энтузиазмом подсказывала – всем своим видом показывая, что всё по-прежнему, а неприятного разговора как будто и не было. Но разговор был, в шамот ванночке всё-таки подсох, а скульптурки старшей группы из муфельной печи в тонких местах треснули.

– Передержали! – сетовала Ольга Викторовна, фыркая из тюбика сварочным клеем, она прижимала лапку глиняного медведя к туловищу. – И шамот... шамот недостаточно закутали.

«А ведь я говорила: посмотрите», – переживала Лариса, плеская воду на огромный ком глины и кутая его по новой в полиэтилен. Лариса снова осталась убираться после занятия – все опять разбежались. Всё, вроде бы, было как всегда, но в сердце Ларисы вся её студийная жизнь разделилась на ДО разговора и ПОСЛЕ. Обиднее всего было то, что Ольга Викторовна больше не доверяла ей. С каким раздражением Ольга Викторовна сказала: мол, ты сама всё знаешь, с каким нажимом и убеждением повторила эти хлёсткие острые слова, уверенная, что Лариса перед ней придуривается, изображает непонятку, хитрит, одним словом. А Лариса – честно-честно! – ничего не понимала.

Она ничего не понимала очень долго. Этот страшный разговор даже стал забываться, замещаться другими более интересными и весёлыми происшествиями. После Нового года Лариса заметила, что нет в группе Маши Ченибал. «Может, она ушла в начале декабря. А

может она ходила в декабре, а только сейчас бросила, после Нового года... Как это я не заметила?» – размышляла Лариса.

Ещё долго Лариса занималась в студии, целых четыре года. Но никогда больше на отчётных выставках Ларису не вызывали в числе самых успешных художников студии, чтобы вручить дорогой подарок – пастель или петербургскую акварель – так и несбывшуюся мечту. Лариса всегда надеялась, что её вызовут среди лучших – но нет. А лучшим художникам, кроме подарков дарили цветы. Как Лариса мечтала об этом: половину она бы подарила Ольге Викторовне – ведь она так любит цветы. С оставшихся Лариса бы сделала дома сто набросков: и углём, и сангиной, и пастелью, и на тонированной бумаге, и на белом фоне, и энкаустикой, и акватипию, и просто написала бы классические тонкие акварели и современные акварели по мокрому... Но – увы, не судьба. Ничего, ничего – дорогая её сердцу пастель исписана только на три четверти, а петербургская акварель у неё всё-таки есть, только восемнадцать цветов, а не тридцать шесть. «Ничего, – успокаивала себя Лариса, сглатывая слёзы. – И восемнадцатью цветами можно прекрасно рисовать».

Ах, эта петербургская акварель! Каждая красочка завернута в фольгу, а поверх фольги – в бумажку, на которой написано название краски: лимонный, охра красная, сурьма едкая, зелень изумрудная, сажа газовая, алая, ультрамарин и конечно краплак красный – самый нелюбимый Ларисин цвет, цвет крови, которая идёт из сырого мяса... Стоп! Краплак красный! Лариса вспомнила своё дежурство с Машей Ченибал, вспомнила банку, которая никак не хотела закрываться... Ну конечно же! Тот эскиз – на голубом фоне белые колокольчики – был её, Маши Ченибал, эскиз. И тот допрос, которым мучила Маша – нравится-не нравится – это был допрос с пристрастием... Маша вытянула из Ларисы признание, заявила домой и устроила маме истерику наверняка устроила. А мама прибежала жаловаться педагогу. Зачем Маша это сделала? Она же сама меня заставляла сказать, что эскиз плохой, нет, даже не так. Она сказала, что платье из такой ткани нельзя носить... Зачем она ко мне приставала? Наверное, хотела, чтобы я спорила, убеждала, уговаривала, уверила её, что эскиз – супер, но он не был супер. Если бы был, Лариса бы так и сказала.

Лариса вспомнила, что эта Маша Ченибал на занятии, когда Ольга Викторовна выходила из комнаты, часто отвлекалась и обсуждала эскизы витража малышей группы, и часто говорила: «Фу! Мне это не нравится!» или: «Ну, это хотя бы так себе»... Лариса никак не реагировала на эти обсуждения. Она рисовала в своём дальнем углу, ведь Маша тогда, после неприятного разговора, сидела на её, Ларисином, месте. Не сидела даже – восседала, подумалось Ларисе. «А может, – рассуждала Лариса ночью, лёжа на жёстком ортопедическом матрасе и вспоминая своё озарение. – Может, Маша Ченибал просто не любила рисовать. А мама её просто заставляла ходить. Вот Маша и нашла повод, нашла причину бросить рисование: её работы называют плохими. А мама вместо того, чтобы разрешить дочке не ходить, побежала разбираться с Ольгой Викторовной. Скорее всего, так и есть. Настоящий художник на другие работы и не смотрит и не обсуждает, у него для этого ни времени нет, ни желания».

На этом можно было бы и закончить, но хочется рассказать ещё немного.

Когда Лариса занималась в изостудии последний четвёртый год, перед тем как поступить в художку, Ольга Викторовна объявила, что в этом году в России юбилей поэта Лермонтова, круглая дата. И скоро приедет из Тархан, музея-заповедника Лермонтова, научный сотрудник, подарит шикарно изданные в рамках федеральной культурной программы книги и попросит нарисовать ребят рисунки на лермонтовскую тему.

И сотрудник приехал, и Лариса очень долго листала каталоги и книги с мелкими буквами и крупными яркими фотографиями, напечатанными на толстой блестящей бумаге... Нет, они конечно проходили Лермонтова в школе. Про тучку и про парус стихи, про Бородино

учили наизусть, но Лариса уже всё забыла. «Мцыри» она проходила совсем недавно, Мцыри ей понравился. Научный сотрудник говорил о каком-то герое, которого все проходят в школе. Но это для старших классов. И Ларисе захотелось нарисовать не Бородино, и не Мцыри с барсом, а просто домик Лермонтова, просто природу, большое дерево и под ним стоит большой огромный, выше домика, Лермонтов. Он охвачен вдохновением, он сочиняет про героя, которого проходят в старших классах... Но работа не выходила. Домик получился так себе, Лариса срисовала его с фотографии, природа получилась получше, и дерево тоже ничего по цвету, а вот Лермонтов не выходил, не получался. Лариса билась-билась... Вместо Лермонтова с листа на Ларису смотрел какой-то уродец. Лариса совсем не умела рисовать людей. Таня Лазарева сказала Ларисе:

– Давай я тебе нарисую. Только контуры, а дальше ты сама.

Таня Лазарева рисовала лучше всех в студии, её работа с богиней войны Артемидой заняла первое место на городском конкурсе, и ей вручили настоящий телевизор. Но Лариса не представляла, что чья-то рука, кроме Ольги Викторовны или авторской, то есть её, Ларисиной, может касаться работы. Лариса промучилась три занятия, но работа так и осталась незаконченной, такой и легла в стопку остальных работ на лермонтовскую тему.

Лариса по-прежнему много времени проводила в студии после занятий. Она убиралась, помогала даже вешать занавески, которые сшила её мама – держала Ольге Викторовне стрелянку. Но Ольга Викторовна говорила с Ларисой мало. У неё появилась отдельная комната – там стоял стол, стеллаж для документов, сканер постоянно плевался какими-то бумагами и с угрозой тарыхтел на Ларису, наверное ревновал к хозяйке кабинета. В комнате Ольги Викторовны был и склад для оформленных для выставок работ и поделок. Изостудия стала очень популярная, к Ольге Викторовне приходили родители и что-то с ней обсуждали, приходили и начальники, и начальницы в строгих костюмах, а ещё прибежали бабушки и кланчили, чтобы их детей приняли в студию без очереди и без вступительного экзамена. Ольга Викторовна после этих бабушек становилась красная и отдувалась. Она никого не принимала вне очереди...

И вот однажды, после занятия, когда Лариса пошла в туалет промывать тряпки, в студию пришёл знакомый научный сотрудник, но не один, а с каким-то красивым-красивым мужчиной: высоким, с маленькой бородкой, маленькими глазами под густыми бровями – мужчиной, как будто только что сошедшем с рекламного плаката.

Лариса вошла в студию с чистыми тряпками, незаметно села за стол и стала слушать. Ольга Викторовна положила перед гостями работы, и начался отбор для Лермонтовской выставки. Красивый мужчина решал, что забрать на конкурс, что в усадьбу, и откладывал в сторону то, что ему не нравилось.

И вот слышит Лариса, как обсуждают её работу. Неожиданно и красавец-мужчина и сотрудник хвалят.

А Ольга Викторовна говорит:

– Нет, это слабо. Это незакончено.

– Но вы понимаете. Это так и есть. У нас в Тарханах всё именно так. Если не всё точно зрительно, но по настроению абсолютно точно.

– Да-да-да, – кивает красавец-мужчина. – По цвету замечательно. Замес на удивление верный. И спокойная пастельность, и истошный крик. В этой работе – весь Лермонтов. Жаль, что он сам не прорисован.

– Ну вот видите. Я же говорю: не закончено, – торопливо сказала Ольга Викторовна и отложила работу в сторону.

И все, забыв о Ларисином Лермонтове, стали перебирать стопку работ дальше.

Лариса была искренне рада, что с её работой покончено. И, правда ведь: такая слабая незаконченная работа. Ей было неприятно, и даже стыдно, что гости её хвалили. Работу, а не Ларису.

У Ларисы не было даже сомнений, что Ольга Викторовна могла знать, что это Ларисина работа. Нет. Она не знала! Изостудия разрослась, она занимала уже три комнаты в молодёжном центре. Лариса ни разу за три занятия не подзвала Ольгу Викторовну, а на обратную сторону бумаги, где работа была подписана, Ольга Викторовна не смотрела. Лариса убралась, засобиравшись домой и, довольная, что так всё хорошо для неё обошлось, и не заставят заканчивать (а Ольга Викторовна обыкновенно заставляла), вышмыгнула из студии.

В марте Чернявский подарил Ларисе цветы, и она всю неделю, пока цветы не завяли, рисовала их, даже на холсте. В мае Лариса поступила в художественную школу. Но она не бросила изостудию, частенько забегала туда, навещала Ольгу Викторовну и знакомых ребят. Но Ольга Викторовна сказала Ларисе, что не надо так часто заходить в студию, потому что она отвлекает ребят от работы, и в группе ограниченное количество мест.

– Может придти проверка, пересчитать детей по головам, и оштрафовать меня за то, что фактическое количество детей не совпадает со списочным.

И Лариса стала стараться приходить как можно реже.

А в сентябре в Ларисин класс, пришла новенькая – Маша Ченибал.

– Привет! – сказала она Ларисе, – Помнишь: мы с тобой в студии занимались?

Лариса помнила имя, и фамилию, но саму Машу вообще не узнала. Тот случай давно стёрся у Ларисы из памяти. Она поскорее ответила:

– Да, да. Занимались. Но сейчас давай скорее в столовку. Там блинчики с яблоками сегодня. Мальчишки могут съесть порции опоздавших.

И две девочки, одну из которых ждала нелёгкая судьба художника, а другую – тусклая сытая жизнь без радости творчества, помчались вместе в столовку. Обычно-то Лариса не торопилась в столовую, но Чернявский, который всегда охранял Ларисин завтрак, ещё не вернулся с дачи. Он никогда не ходил в школу первого сентября.

Девочек бить нельзя Боевое настроение

Во втором «А» есть боевая девочка Кристина. Вася дерётся с ней. Из-за конфликта детей переругались и мамы. Дело передано в полицию. Поставят ли Васю на учёт в отделение по делам несовершеннолетних?

Васю всегда удивляло, что взрослых интересует его жизнь. Вот его, Васю, жизнь взрослых совсем не интересовала. Но взрослые на то и взрослые, они во всё суют свой любопытный нос. Например, соседка по этажу тётя Аида, спрашивала:

– Вася! А у тебя уже появились школьные друзья?

Вася рассказывал о друзьях, которых было всего-то трое на весь второй «А» класс.

Но тётя Аида на этом не успокаивалась. Она спрашивала:

– Вася! А с девочками ты дружишь?

– Нет.

– Почему?

– Они болтушки.

– Так уж все и болтают?

– Нет. Не все. У нас в бассейне девочки не болтают.

– Ну, вот видишь.

– Они же плавают, они в воде не могут говорить. А когда на бортике, то смеются над мальчиками.

– Почему?

– Они быстрее мальчиков на соревнованиях плывут, вот и дразнят нас окорочками.

– Да и пусть. В школе же девочки не плавают? Найди себе девочку не в бассейне, а в классе, выбери и дружи, – советовала тётя Аида.

– Я уже нашёл, – признался Вася и покраснел.

– Значит, она не болтушка и не дразнится?

– Нет. Она тоже болтушка.

– Но не дразнится?

– А что ей дразниться? Она быстрее меня по шесту залезает и больше моего на перекладине подтягивается. И никогда этим не хвалится.

– Ну надо же: не хвалится. Я всегда говорила, что девочки лучше мальчиков, скромнее, – радовалась тётя Аида. – Девочки – это чудо!

– Чудо-чудо, – как попка повторял Вася. – Она всех пацанов поколачивает. Если я с ней дружить не буду, она и меня побьёт.

Длинное худое воспитанное и образованное лицо тётя Аиды вытягивалось всё больше и больше, покрывалось пятнами и становилась похожим на большую пятнистую единицу, проще говоря – тигровый кол.

Кристина, девочка, которая не прочь была поболтать, но никогда никого не дразнила и не хвалилась спортивными успехами, занималась каратэ.

Сама Кристина никому об этом не говорила. Просто её мама, юркая, плотная, кудрявая, похожая на гриб-лисичку, приходила на продлёнку и объявляла:

– Кристина! Нам на каратэ.

– Ого! Каратистка! – Смеялись мальчики.

– Да. Кристиночка с пяти лет каратэ занимается, моя дочка любого из вас порвёт, – хвалилась мама.

– А я с пяти лет в бассейне занимаюсь, – говорил Вася маме Кристины, но она делала вид, что не слышит. Грибы вообще глуховаты, особенно лисички, Вася это на даче в лесу часто замечал.

В прошлом году в Васином первом «А» произошло два неприятных случая. Кристина больно побила двоих Стёп: Стёпу Ефимова и Стёпу Жердева.

Умный Стёпа Ефимов пришёл в этот ужасный первый «А» самый ужасной школы района из-за безденежья. В этой школе собирали совсем немного денег на классные нужды. А совсем-совсем маленький, меньше всех в классе, Стёпа Жердев пришёл в этот ужасный класс по генной памяти. Его мама училась когда-то в этой школе, и жил он совсем недалеко, очень близко, буквально в трёх маленьких Стёпиных шагах.

Бабушка умного Стёпы и мама Стёпы-маленького пытались поговорить с мамой Кристины, но нарывались на презрительное лисичкино молчание, а когда несчастная старушка, бабушка умного Стёпы, и малюсенькая мама, мама малюсенького Стёпы, начинали тормозить маму Кристины за рукав её роскошного рыжего лисьего полушубка, то слышали брань и следующий ответ:

– Ваши мальчики сама виноваты, они задирались.

Но конечно же никто Кристину особенно не задирали. Она просто гонялась на переменах за мальчиками и отработывала на них приёмы каратэ. Она бы за девочками тоже гонялась, но девочки есть девочки. Девочек бить нельзя, не положено. А жаль. Кристина бы всех девочек побила, кто с Васей хотел общаться. Она так и говорила девочкам: «Не подходите к Васе. Убью».

Мама Кристины была в родительском комитете, у неё с учительницей Татьяной Викторовной сложились хорошие отношения. Учительница Татьяна Викторовна просила очень мягко и вежливо на собрании:

– Если между детьми драки, то всё мне сообщать. Самим не разбираться, за рукава друга друга не таскать и не браниться.

Но чего боялась учительница, то и произошло.

Кристина всё больше и больше общалась на перемене с Васей и к середине второго класса стала поколачивать девочек, которые по Кристинину выражению «к Васе лезли», особенно Алле доставалась. Кристина говорила Алле:

– Не подходи. Мы с Васей первой парой на физру идём.

Один раз, вот такая произошла неприятность. Были лыжи.

Вася быстрее всех на лыжную физкультуру переодевался, у него ботинки были на молнии, а комбинезон на липучках.

Алла лыжи ненавидела, она с классом просто погулять выходила, подышать свежим воздухом. Вот Вася прогремел на первый этаж с лыжами, взял из раздевалки куртку, надел её на комбинезон, натянул перчатки, и встал у стола охранника – стал ждать остальных. Алла тоже рядом с охранником стояла, тоже класс ждала. И они с Васей вместе стали остальных дожидаться. Когда Кристина переделась в лыжную форму, спустилась вниз и увидела, что Вася стоит в паре с Аллой, то, ни слова не говоря, взяла лыжную палку как рапиру и тыкнула в Аллу. А охранник как раз закончил в игру на планшете резаться и увидел это. Он молниеносно выбежал из своего стола, ринулся к Кристине и стал отбирать палки. Но Кристина не отдавала, она этими палками в охранника стала тыкать и говорить:

– Валите! Я в первой паре стою.

А охранник ничего от натуги говорить не мог, только мычал возмущённо, и даже как-то растерянно.

Тогда Вася стал охраннику помогать. Охранник одну палку в одну сторону тащит, Вася другую палку – в противоположную. Весь класс уже подтянулся, наблюдает и молчит, как самая хилая самая маленькая самая серенькая мышка на свете. Алла всхлипывает и куртку потирает, а на куртке дырка от лыжного укола.

Кристина была сильной девочкой: её Вася и охранник в разные стороны тянут, а она повисла на палках и не отдаёт. Тут двое Стёп пошептались о чём-то, и давай Кристинины пальцы от лыжных палок отцеплять, и палки оказались в руках у Васи и охранника. Кристина прилунилась на пол, разрыдалась. Тут как раз мама Кристины в школу зашла, ёлку в класс притащила. Ёлка такая большая, и кажется, что Лиса Патрикевна за ёлкой прячется – мама Кристины как всегда в лисьей шубе была. Мама Кристины рявкнула охраннику: «Ловите!», всучила ему ёлку и стала всех спрашивать, почему её непобедимая дочка плачет. А Кристина говорит:

– Вася и охранник у меня палки отнимали.

– Ух, какие хулиганы! Ну надо же! Вася! И охранник туда же! Верните палки!

– Нет, – высунулся охранник из-за ёлки и опять спрятался. – Драки на шпагах... э-ээ палках запрещены, только родителям верну!

– Верните палки! Я – родитель!

– Да ёлки-палки, – упорствовал охранник. – Это колюще-режущее. Не могу. Инструкция.

– Это всё он! Он! – Кристина подбежала к Васе и ударила его в грудь, сделала подсечку, но Вася устоял. Тогда Кристина вмазала Васе по зубам, и опять заревела – Васины зубы ей кулак оцарапали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.